

Звонок Линь Цзунцзе застал Хэ Линьчуаня и Чэнь Кэ врасплох — на часах было уже полтретьего ночи.

Спросонья у обоих на головах красовалось нечто неопишное. Хэ Линьчуань просто натянул капюшон толстовки, а Чэнь Кэ наспех нацепил бейсболку. Оседлав свои электроскутеры, они помчались к элитному жилому комплексу, где обитал Линь Цзунцзе. Не успели они затормозить у ворот, как увидели своего «господина президента». Тот выглядел еще краше: вырядившись хуже последнего бродяги, Цзунцзе сидел в домашних тапочках прямо на бордюре у въезда и хмуро дымил сигаретой.

Рядом с его подвернутыми штанинами сиротливо жались несколько упаковок пива — картина маслом «утоплю свою тоску в алкоголе».

— Мать твою за ногу! Сказал, дело срочное, я уж думал, тебя тут толпой месят, — выругался Хэ Линьчуань, едва соскочив со скутера. — Ты че тут за цирк устроил? Бросили тебя, что ли? Бухаешь, дымишь... и всё это прямо под носом у предков. Не боишься, что мать выйдет и пришибет тебя тапком?

Линь Цзунцзе выпустил плотную струю дыма и вяло отозвался:

— Они оба в командировке. Сначала хотел позвать вас в дом, но тут вдруг заметил, что эти параноики повесили в гостиной скрытую камеру. Сами понимаете, хрен знает когда её туда воткнули. Так что извиняйте, померзнем на улице.

— Да ладно, о чем базар-то? — Чэнь Кэ припарковал свой скутер, уселся рядом с другом прямо на асфальт и без лишних слов вскрыл банку пива. То ли пить чертовски хотелось, то ли просто за компанию, но он прикончил её буквально в два глотка. Вытерев рот тыльной стороной ладони, он шумно рыгнул и добавил: — Ты в последнее время вообще сам не свой. Не прошло и месяца, как ты перевелся в Первую среднюю школу, а уже расклеился. Что, местная ботаническая атмосфера окончательно выжгла тебе мозг?

Хэ Линьчуань тоже примостился рядом:

— Колись давай, бро, че стряслось? И сигаретку подгони.

Линь Цзунцзе вытащил из кармана пачку, выудил одну сигарету, бросил её Линьчуаню, а следом запустил и зажигалку.

Чэнь Кэ толкнул Цзунцзе плечом:

— Ну, выкладывай. Я тут, между прочим, жизнью рисковал — если предки просекут, что я сбежал посреди ночи, ноги точно переломают. Если твоя великая проблема окажется какой-то чушью собачьей, я лично тебя здесь и закопаю.

Цзунцзе хмыкнул, скривив губы:

— Сил-то хватит меня закопать, громила хренов?

— Кончайте трепаться, — вставил Хэ Линьчуань, прикуривая. — Говори быстрее, и разбегаемся. Мне этот скутер еще отцу возвращать, ему завтра на работу спозаранку.

— Да блин... — Линь Цзунцзе в раздражении взъерошил свои и без того растрепанные волосы. — Сам не знаю, как объяснить. Просто меня всё бесит в последнее время. Прямо до зубовного скрежета.

— Из-за чего? — прищурился Чэнь Кэ. — Из-за баб или из-за дел каких?

— Только не вздумай ляпнуть, что тебе просто грустно без причины, — хмыкнул Хэ Линьчуань.

— Скорее... из-за человека, — серьезно произнес Линь Цзунцзе. — Когда он рядом — бесит. Когда его нет — тоже бесит. Стоит только подумать о нем — аж трясет. Дико хочется начистить ему рыло, но когда этот гад сидит под боком, у меня рука не поднимается. И ведь из башки не выходит! А чем больше думаю, тем сильнее злюсь. Книги, к которым он прикасался, ручки, шмотки — стоит мне на них бросить взгляд, как перед глазами сразу его руки, его лицо... Я даже голос его, сука, слышу! Прямо мания какая-то. Хочется просто взять и придушить ублюдка.

Хэ Линьчуань слушал его с таким открытым ртом, что забыл стряхнуть пепел. Тлеющий уголек упал прямо на его голую ногу. Вскрикнув, он поспешно смахнул его и выругался:

— Бляха-муха, больно же! Ты че несешь вообще?

Чэнь Кэ, напротив, так и прыснул со смеху:

— Да у тебя, братец, никак весна в одном месте заиграла! Что за деваха из Первой средней школы? Симпатичней Лу Цинюань? Кто эта богиня, которая умудрилась так знатно вывихнуть тебе мозг?

Линь Цзунцзе только зубами скрипнул. Вот почему, стоит ему заговорить о Хань Лине, все вокруг тут же решают, что речь идет о какой-то девчонке?

Он закатил глаза с такой силой, что аж виски заломило, и зло сплюнул:

— Какая еще, к черту, весна! Я же русским языком говорю — пришибить его хочу! Он меня бесит! Сечешь разницу или нет?

— Ага, бесит его, как же, — хмыкнул Чэнь Кэ. — Бесит, но из мыслей не вылезает. Ударить жалко. Стоит увидеть его вещички — сразу вспоминаешь его нежные ручки, личико, да еще и галлюцинации ловишь с его голосом. Братан, если это не любовь, то я даже не знаю, что это. Чистой воды клиника.

— Да хрен там плавал! — зычно крикнул Цзунцзе. — С какого перепугу я бы в него... то есть в неё втрескался? Да этот зануда мне просто все нервы вымотал, у меня уже психологическая травма развилась! Вот мозг рефлекторно и выдает картинки при виде любого триггера.

— Ладно, есть один верный способ проверить, штырит тебя от неё или нет, — подал голос Хэ Линьчуань. Он сделал последнюю затяжку, ловким щелчком отправил окурок на асфальт и придавил его подошвой кеда.

— Ну? Выкладывай быстрее! — поторопил его Цзунцзе. — А то я завтра реально сорвусь и начищу этому гаду фейс.

— Короче, схема рабочая. Завтра после уроков под любым предлогом задержи её в классе. Прижми к стене и поцелуй. Жестко так, по-мужски. А потом прислушайся к себе: застучит моторчик в груди или нет. Сразу поймешь, заводит тебя этот контакт или воротит.

— Да ты больной на всю голову! — Цзунцзе тоже отбросил окурок в сторону. — Прижать к стене — ладно еще. Но если я полезу целоваться, этот ненормальный меня на куски порвет! Он же драться полезет не на жизнь, а на смерть!

— Эх, зелень ты неотёсанная, — ухмыльнулся Чэнь Кэ. — Ни черта ты в бабах не смыслишь. Для такого красавчика при деньгах, как ты, пара-тройка настойчивых поцелуев — и любая крепость падет. Сама на шею вешаться побежит.

«Ага, только это ни разу не баба...» — тоскливо подумал Цзунцзе.

Что делать, если у этого человека характер как у Хань Линя? Холодный, пресный, как дистиллированная вода.

Если его насильно поцеловать, он ведь даже бровью не поведет. Просто уставится своим ледяным взглядом и ровным голосом спросит: «Ты что творишь?»

От этой мысли Линь Цзунцзе заскрипел зубами еще громче.

Ну почему на свете существует Хань Линь — парень, чьи мысли разгадать сложнее, чем ребусы любой капризной девчонки?

Цзунцзе битый час пытался втолковать этим двум оболтусам, что его просто бесит Хань Линь и ничего более. Но всё без толку — эти двое уперлись рогами и не желали слушать. Поначалу он

не придавал этому значения, но когда уже не первый человек в его окружении начал твердить, будто он сохнет по какой-то «девчонке», внутри шевельнулось противное чувство. Линь Цзунцзе вроде бы ни в чем не провинился, но почему-то малодушно трусил признаться, что этот таинственный раздражитель — обычный парень по имени Хань Линь.

Трое парней спорили до хрипоты прямо посреди улицы. Градус дискуссии рос, голоса становились всё громче, а хмель в головах только подливал масла в огонь. Дело едва не дошло до банального мордобоя.

В конце концов Хэ Линьчуань не выдержал и рявкнул на весь переулок:

— Да твою мать! Если ты мужик, завтра же возьми и поцелуй её! Торкнет — бегай за ней, не торкнет — я лично перед тобой на колени встану и извинюсь за свой треп!

— Во-во! — поддержал его Чэнь Кэ. — Нравится — действуй, че ты как баба сопли на кулак наматываешь и глушишь пиво втихаря? Мне аж стыдно, что ты мой бро! Подумаешь, признаешься, от тебя че, кусок мяса отвалится? Ну пошлют тебя на хер, погорюешь десять минут и пойдешь дальше жить!

— Хрен с вами! — вскипел Линь Цзунцзе. — Если я её... его поцелую и ничего не почувствую, вы оба встанете на колени и будете звать меня папочкой! Поняли, сосунки?

— Да без базара! — крикнул Линьчуань.

— Хоть раком встану! — хохотнул Чэнь Кэ.

Так, слово за слово, идиотский спор был скреплен пьяным рукопожатием.

Утром следующего дня Хань Линь вошел в класс и обомлел. На его парте чинно лежала аккуратно исписанная тетрадь Линь Цзунцзе. Подумав, что спросонья мерещится всякое, Хань Линь даже потер глаза, но тетрадка никуда не исчезла. Этот патологический бездельник, который раньше в лучшем случае лениво тыкал ответы в тестах наугад, сегодня не поленился расписать первые два шага в сложнейшем уравнении!

— Надо же, прогресс, — одобрительно кивнул Хань Линь и перевел взгляд на соседа. — Позавтракать успел?

Линь Цзунцзе медленно повернулся к нему. Выглядел он краше в гроб кладут: веки отяжелели, под глазами залегли такие жуткие тени, будто его полночи пинали ногами.

Хань Линь невольно отшатнулся:

— Ого. Ты что, ночью с кем-то подрался?

Цзунцзе со стоном уткнулся лицом в парту:

— Нет... Просто бессонница замучила. Вообще глаз не сомкнул.

— Скажи честно, опять всю ночь в приставку резался? Какая у тебя может быть бессонница?

Линь Цзунцзе медленно поднял голову. С трудом подавляя желание задушить соседа прямо на месте, он процедил сквозь зубы:

— Еще слово — и я тебе точно все зубы пересчитаю.

Хань Линь, продолжая посасывать соевое молоко через трубочку, лишь слегка склонил голову набок:

— Не верю.

«Господи, дай мне сил...» — Линь Цзунцзе стиснул зубы так, что они жалобно скрипнули. Будь стоматология чуточку дешевле, он бы стер свои клыки в порошок и проглотил.

Ну до чего же этот паршивец умел выбесить одной фразой!

И надо же было ему в этот момент посмотреть чуть ниже — прямо на губы Хань Линя, который умудрялся тянуть один несчастный пакет молока целую вечность.

Губы у Хань Линя были аккуратные, тонкие, бледновато-розовые. Стоило ему слегка сжать их, как они почти сливались с кожей. Но сейчас они казались неприлично мягкими, влажными от напитка. Интересно... каково это — поцеловать его? Этот изнеженный зубрила весь такой хрупкий, что если прижать сильнее, наверняка ведь останутся следы.

«Твою мать, о чем я вообще думаю?! Ну и извращенец!»

Осознав, в какие дебри унесло его фантазию, Линь Цзунцзе дернулся и со всей дури вlepил себе звонкую пощечину.

Раздался резкий хлопок. Хань Линь от неожиданности поперхнулся молоком и уставился на соседа дикими глазами:

— Ты... с ума сошел? Что ты творишь?

— Ко... комар, — буркнул Линь Цзунцзе, яростно растирая покрасневшую щеку, и поспешно отвернулся, уткнувшись взглядом в окно и демонстрируя однокласснику лишь напряженную спину.

<http://bllate.org/book/18229/1752972>